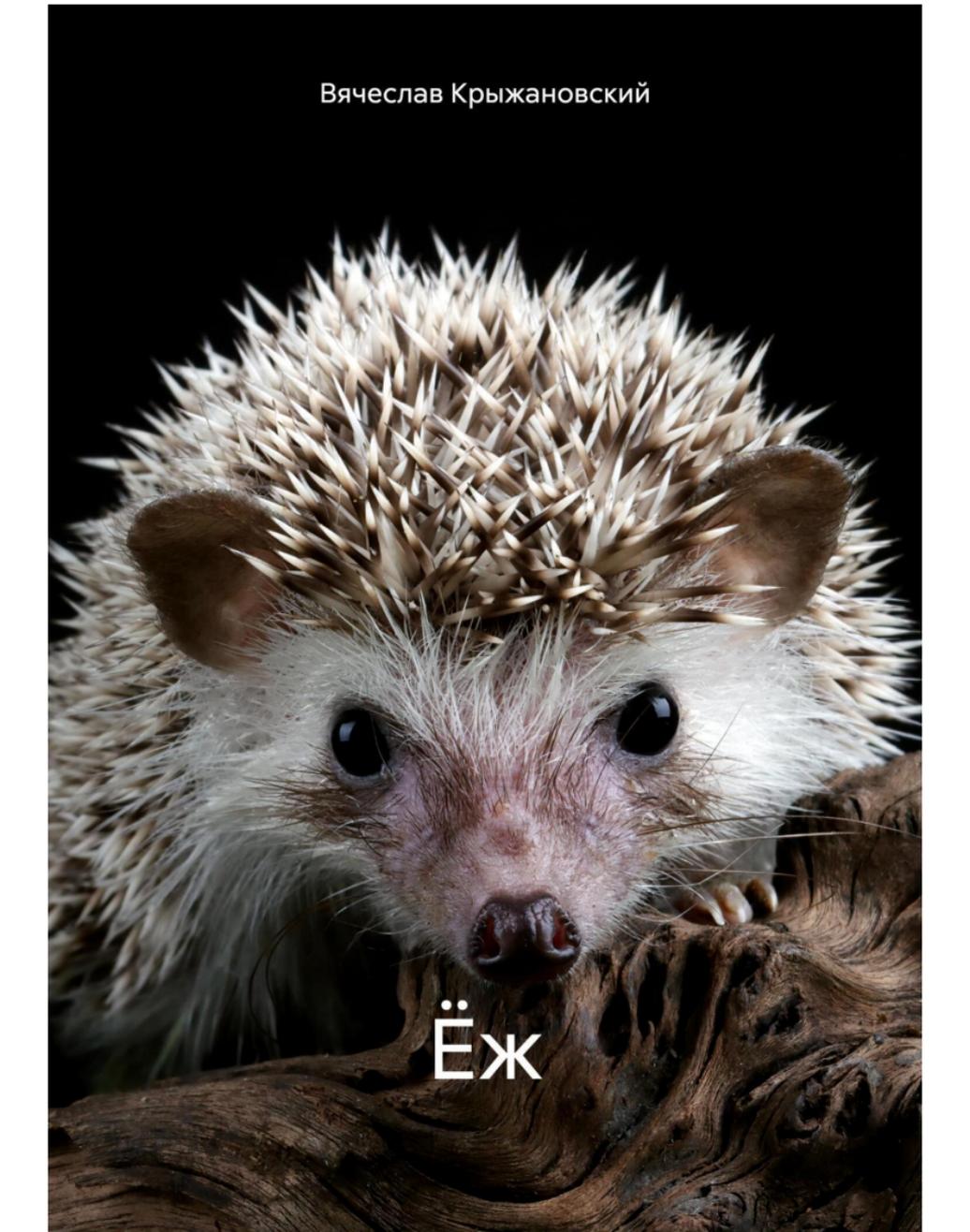

Вячеслав Крыжановский

Ёж

Вячеслав Крыжановский

ЁЖ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70492936

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ про ежа, встреченного в Изваре – родовом имении семьи Рерихов.

Содержание

Вячеслав Крыжановский

Ёж

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки.

М. М. Пришвин «Ёж»

В детстве любимым писателем моим был Пришвин. Напишу-ка и я рассказ про ежа.

Летом 2023 в конце июля мы с Ч. поехали на экскурсию в Извару. Это имение семьи Рерихов, где будущий великий художник-эзотерик проводил летние месяцы в детстве, юности и ранней молодости¹. Юный Рерих раскапывал в окрестностях древние курганы, охотился на кабанов, писал этюды с папоротниками. В самом имении он устроил себе в курятнике дополнительную мастерскую – помимо той, которая была в доме – для работы над большими холстами, что в доме не помещались. Не очень представляю, как ему там работалось – в сарае малюсенькие окошечки, и света внутри, по всей видимости, почти не было, по крайней мере, света *наружного*. Есть фотография, где молодой Рерих позирует, оседлав перила террасы. Оседлав – в буквальном смысле: на перила прилажены седло, стремяна и уздечка. Он изображает так всадника-русича – для картины на исторический сю-

¹ Имение продали после смерти отца в 1900 году, когда Николаю было 26 лет.

жет. В общем, Извара была родительским домом Николая, началом – как это поётся в песне – начал, причалом и гаванью, гнездом и живительным родником, истоком и корневищем, таким мицелием, ну и, наконец, что называется, *местом силы*.

Я трепетно отношусь к Рериху. В НХУ² нашу группу с третьего курса и до диплома, до самого выпуска вела Илзе Рихардовна Рудзите, дочь латышского поэта, председателя Земного шара Латвийского рериховского общества Рихарда Рудзитиса. Сама Илзе, ныне вот уже больше года как покойная, была завзятой рериховкой. И поэтому являлась другом (может быть, в соответствии с нынешними установками, следует писать: *подругой*?) этого самого музея-усадьбы. В 1998-м они с Урсулой Айхштадт, хранительницей усадьбы Рерихов в индийском Кулу, посетили Извару. По просьбе прихожан местного храма Рудзите расписала Поклонный крест. В музее хранятся две её картины.

Илзе Рудзите училась живописи в Латвийской Академии художеств, которую основал в своё время Вильгельм Пурвит. Он был однокашником Рериха по мастерской Куинджи в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств. Пурвиту, единственному из учеников Куинджи, была по окончании присуждена Большая золотая медаль. Медаль давала право на *пенсионную* заграничную поездку. Всех же остальных своих выпускников,

² В наст. вр. НГХУ – Новоалтайское государственное художественное училище.

включая Рериха, за границу повёз – чтобы им не было обидно – на свои деньги разбогатевший к тому времени Куинджи (четырьмя годами ранее он приобрёл у купца Н. С. Львова доходный дом).

Таким вот, довольно косвенным и окольным путём, через И. Рудзите я получил, как это называется в буддизме, *передачу* от самого Куинджи. А по другой линии, не менее кривоватой, у меня имеется *передача* и от ревностного его соперника Шишкина: в БиГПИ³, где я после училища обретался в течение одного учебного года, деканом у нас был Гаврил Иванович Прибытков⁴, который в своё время учился у Д. И. Кузнецова, который учился у Гуркина, который учился у Шишкина. Шишкин взялся учить Гуркина – частным образом в своей мастерской, когда тот провалился на экзаменах в АХ. На руках этого своего последнего ученика великий мастер реалистического пейзажа умер: Гуркин подхватил его, падавшего со стремянки, на которой Шишкин работал перед большим холстом. Потом Гуркина в АХ всё же приняли, и он учился у пейзажиста Киселёва, чьё имя но-

³ Бийский государственный педагогический институт. В наст. вр. Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина.

⁴ Можно ли считать, что мы учились у Прибыткова? Он не вёл у нас никаких дисциплин, но в институтской столовой все стены были увешаны его картинами, пейзажами и натюрмортами. Однокурсник Влад Шевердинский как-то заметил по этому поводу: «Нужно бы в обед приносить сюда свои работы и вешать рядом – кучу ошибок найдёшь, пока ешь...»

сит скала под Туапсе, известная тем, что там снимали комедию «Бриллиантовая рука».

И. Р. возила нас на пленэр в Курай. Она очень любила горы. В 90-е они с мужем, бывшим нашим однокурсником Володей Лавриновым, перебрались жить туда, в Горный, поближе к Шамбале.

Однажды я позировал И. Р. у неё в мастерской для портрета какого-то выдающегося алтайского геолога – ей нужно было сделать этюд рук, держащих некий символически сияющий кристалл. Кристаллом, помню, послужила картонная коробочка не то сангины, не то соуса Подольского комбината. А мне пришлось по просьбе И. Р. надеть в тот день на занятия светлую – голубую, другой у меня не было – рубашку, и на уроке живописи я боялся её испачкать.

На всю жизнь запомнилось мне одно высказывание И. Р., можно сказать, её *последнее напутствие*. Перед самым уже дипломом, в конце четвёртого курса, она, обходя в мастерской наши холсты с обнажённой на них натурщицей, дошла до моего:

– Н-ну, н-ну, н-ну как бы это сказат... (И. Р. упорно не давалась русская палатализация) вы стых-и нэ пышэт-е?

– Я-а-а-э-э-э-ы... пишу!

– Ну вот! Это выдно, что жывопис – это нэ... нэ... нэмного нэ ваше.

Начал утром писать этот рассказ про ежа, и вот в позапрошломгоднем «Аэростате» играет мне песня

умершего в тот год Мамонова «Ганс мой ёж»

Тут стоит заметить – как бы справедливости ради – что примерно за год до этого, на третьем курсе, И. Р. мою живопись хвалила. И, как говорится, *перехвалила*. Это была тоже обнажёнка, точнее, так называемая *полуобнажёнка* – женский торс со спины. Спина была – натурщицы Юли, смуглокожей брюнетки с толстой косой. Я тогда купил в Новоалтайском книжном, куда мы бегали в обеденные перерывы после столовой, альбомчик Веры Хлебниковой и, насмотревшись репродукций в нём, что-то такое понемножку начинал, кажется, в цвете понимать.

Увы, на просмотре мой холст схлопотал «тройку». А за «тройки» нам снижали стипендию. Я их получал нечасто. Но, к слову, и за тот – единственный с И. Р. – пленэр в Курае была у меня «тройка» (думаю, заслуженная – горы с непривычки выходили у меня неважно). Педагоги из училищной комиссии недолюбливали Илзе. Она много выставлялась и – по барнаульским меркам – считалась, в отличие от них, настоящим, как бы *полноценным* художником. Училищные, занижая оценки на просмотрах, таким образом, что называется, *ставили её на место*, отыгрываясь на нас, студентах. Такие вот – нередкие, увы, в сфере художественного образования – перипетии. Не без влияния которых, думаю я сейчас, живопись моя тогда в течение года и сделалась чем-то *«нэмногo нэ моим»*.

К слову о выставках. Как раз незадолго до этого своего

вердикта по поводу моих живописных способностей Илзе ездила со своей большой персональной в тогдашний Ленинград, а затем в Москву и в Ригу. А чуть раньше, летом, во время каникул, она провезла эту выставку по Алтайскому краю. Побывала в том числе и в нашей Михайловской картинной галерее. В Михайловке у деда и бабушки я, как всегда, проводил лето. Это была моя Извара. Помню, притащил тогда И. Р. на открытие огромную охапку гладиолусов из нашего огорода⁵.

В училище же, точнее, в нашей конкретно группе П4 (т. е. педагогическое отделение, 4-й курс) на занятиях *специальными дисциплинами* Рудзите во время этого её отсутствия замещал Степан Кузьмич Двóйнос. Степан Кузьмич преподавал в НХУ с самого его основания, но к тому времени вышел уже на пенсию. Он окончил ту же самую Академию художеств в Риге, что и Рудзите. У меня хранится мой карандашный портрет, нарисованный Двойносом (не очень похожий). А как-то на уроке рисунка одна его короткая реплика, обращённая даже и не ко мне, внезапно открыла мне глаза сразу на многое. В буддизме это называется *просветлением*. Мы рисовали обнажённого натурщика, и Степан Кузьмич,

⁵ А ещё сгоряча нахамил там местной интеллигенции: зав. библиотекой спрашивала Илзе, нельзя ли как-то устроить роспись стены в библиотеке, Илзе, сама, видимо, не очень представлявшая, как это делается, переадресовала её ко мне, а я от неожиданности возьми да ляпни, что, дескать, за этим лучше бы обратиться к нашим оформителям – учащимся оформительского отделения – они любую такую *халтуру* сделать могут...

подойдя к мольберту Пашки Найдина, сказал:

– Ну ведь ты же на него *вот так* смотришь!.. – и, повернувшись головой и плечами, показал, *как* смотрит на натурщика Пашка Найдин. И я что-то такое *внезапно* понял – о рисунке, о передаче в нём на плоском листе глубины пространства, о их – пространства и плоскости листа – связи и единстве, о пространстве вообще и вообще о единстве и цельности, о компоновке листа в её зависимости от направления взгляда и о связи зрения с движениями рисующей руки... – в общем, я вдруг *разом осознал* многое из того, что внушалось нам на разные лады все четыре учебных года, а то и больше, если считать ещё четыре года предшествовавшей училищу школы искусств.

В 1931, когда маленькому Степану было семь, его отец Кузьма Иванович Двойнос был *раскулачен* и сослан в *спецпоселение*. В 1937 Григорий Иванович Гуркин был расстрелян по обвинению в шпионаже. В 1948 Рихард Яковлевич Рудзитис был объявлен *врагом народа* и шесть лет провёл в лагерях...

До экскурсии по усадьбе в Изваре наша туристическая группа, состоявшая из сотрудников СПбГУ и членов их семей, успела посетить культурный центр «Извара 15», где посмотрели выставки про Пакт Рериха и Знамя Мира, галерею Космизма и репродукции картин Чюрлёниса – выполненные в Италии по особой технологии, они, как сказала

нам женщина-экскурсовод, не хуже, а местами даже и лучше оригиналов. Полюбовались растущими на клумбе у здания амарантами. А также ещё побывали на семейной сыроварне и попробовали там разные эксклюзивные сорта полутвёрдых сыров.

Гид⁶ в усадьбе оказался очень хорошим, он долго водил нас по дому, а затем по усадебному парку, рассказывал обо всём подробно и очень увлекательно.

Но сильнее всего впечатлил нас в Изваре ёж.

Вся экскурсионная программа закончилась, под флюидами *космистических* картин в культурном центре «Извара 15» был съеден входивший в стоимость поездки обед. До отправления автобуса оставалось минут сорок, и мы с Ч. пошли ещё побродить по природному парку вокруг усадебного дома. И там встретили его. Небольшой зверёк лениво трусил через тропинку нам наперерез. Издалека мы приняли его за толстую крысу. Но подойдя ближе, поняли свою ошибку. Это был ёж. Он бежал откуда-то куда-то, семенил неторопливо, по-ежиному вразвалочку. В отличие от ежа-гиганта размером – безо всякого преувеличения – с маленького поросёнка, который повстречался нам однажды в Царскосельском парке на горе Парнас, этот был небольшой, размером – ну вот не больше крысы, с которой мы его поначалу и спутали.

Время от времени ёж останавливался и принимался че-

⁶ [Стасюк Иван Вадимович](#), научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН.

саться. Чесался ёж подолгу, собственно, он больше чесался, чем бежал. И правильнее было бы, пожалуй, написать наоборот, что он – чесался, время от времени перебегая с места на место. Чесался ёж яростно, самозабвенно, на это было просто жутко смотреть! Я ещё ни разу не видел, чтобы живое существо чесалось до такой степени отчаянно и остервенело. А я в своей жизни повидал многое, например, видывал я чешущихся свиней. И самому мне доводилось в жизни в своей чесать: и свиней, и собак, и котов. Но ёж – эта, по меткому замечанию Пришвина, маленькая свинья – переплюнул всех зверей, полевых и не только полевых, когда-либо виденных и/или чёсанных мною.

«Давай лучше держаться от него подальше, – сказал я Ч., – а то мало ли...» Впрочем, ёж, кажется, не обратил на нас никакого внимания. Он знай себе чесался. Он чесал себя всеми своими лапами, поочерёдно, то задними, как чешутся собаки или кошки, то передними, а иногда, кажется, и не поочерёдно, а – тремя и даже четырьмя лапами одновременно. Он заваливался при этом на спину и как-то вбок. Было тревожно это наблюдать, и в то же время трудно оторваться. Мы никак не решались просто так взять и уйти, бросив ежа на произвол его ежиной, нелёгкой, очевидно, судьбы, оставив его чесаться в одиночестве. Но и как-то помочь ежу мы не могли тоже, поскольку даже не знали, нужна ли ему помощь. Так прошло довольно много времени. Ёж чесался, а мы смотрели на него и взволнованно перешёптывались.

Пришвин – судя по его рассказу, откуда я взял эпиграф к этому своему – встречая в лесу ежей, запинывал их в воду. Нашего ежа, возможно, тоже неплохо было бы окунуть в воду. Купание ему, вероятно, не повредило бы. Тут вспоминается – и мы, конечно же, его вспомнили – анекдот про ёжика, который спрашивал, к чему чешется то одна, то другая часть тела, и ему в ответ пророчили множество разных событий, в конце же концов посоветовали *помыться*. Но водоёмы – исток Изварки и озеро Глухое – находились довольно далеко от того места, где сидел и чесался ёж. У нас же, в отличие от Пришвина, не было ни шляп, ни других каких-либо головных уборов, ничего вообще, пригодного для переноски ежей. И мы только смотрели, не в силах ничем помочь ежу, который всё чесался, видимо, не в силах остановиться. Он чесался в буквальном смысле этого слова зверски и – как-то, что ли, обречённо.

Вспомнили мы и другой анекдот, ну или что-то вроде анекдота, такой интернет-юмор: хозяин, художник, называющий себя October Jones, в *переписке* со своим псом⁷ напо-

⁷ К слову, известны колебания Пришвина, который сам был страстный собачник, по поводу отношения человека к собаке: «Виноват ли такой, отдавший своё человеческое чувство собаке? Чем он виноват, если не было в нужный момент человека? Где же он был, человек?..» – Дневниковая запись от 8 октября 1932. и «Виноват ли отдавший всё своё человеческое чувство собаке? Да, виноват. Ведь у меня от синей птицы моей юности – моей Фацелии – до сих пор в душе хранятся же синие пёрышки!» – «Фацелия», 1940. Тут следует отметить, что как раз в 1940 году 67-летний Пришвин женился на 41-летней Валерии Дмитриевне Лебедевой (Лиорко). В тот год она устроилась к нему работать литературным

минает ему, как тот однажды испугался ёжика, пёс же *оправдывается* тем, что, дескать, «*тот ёжик был наркоман, у него были безумные глаза*». ⁸ Мы в глаза ежу особо не заглядывали, но предположили, что он тоже очень даже может оказаться наркоманом, отчего и мучает его такой нестерпимый зуд.

Наконец мы всё же двинулись дальше, а когда возвращались тем же путём обратно, направляясь к автобусу, ежа уже не было. Он укывлял чесаться куда-то в другое место. Так повидали мы в Изваре ежа, чьи предки запросто могли встретиться с самим Рерихом.

август 2023 – январь 2024

секретарём, тремя годами ранее вернувшись нелегально в Москву из сибирской ссылки.

⁸ (October Jones' «Text From Dog»)– Could you train me to fight?– Like, for dog fights?– Yeah?– No.– DUDE! I'm a BULLDOG. It's in my BLOOD.– Remember when you shit yourself because that hedgehog crawled under the garden gate?– That hedgehog was a drug addict. He had crazy eyes=– А научишь меня драться?– То есть, для собачьих боёв?– Ага.– Нет.– ЧУВАК! я БУЛЬДОГ. Это у меня в КРОВИ.– Помнишь, как ты обосрался, когда ёжик пролез под калитку?– Тот ёжик был наркоман. У него были безумные глаза